

КРИМИНАЛЬНЫЕ РОМАНЫ

**АЛЕКСАНДРА
МОЛЧАНОВА**

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
АЛЕКСАНДРА МОЛЧАНОВА
В АВТОРСКОЙ СЕРИИ «РУССКИЙ НУАР»:

ГАЗЕТЧИК

ПИСАТЕЛЬ

СЦЕНАРИСТ

А Л Е К С А Н Д Р
МОЛЧАНОВ

ПИСАТЕЛЬ

Настоящий русский нуар

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М76

Оформление серии *С. Власова*

Молчанов, Александр Владимирович.
М76 Писатель : [роман] / Александр Молчанов. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Русский нуар.
Криминальные романы А. Молчанова).

ISBN 978-5-04-097127-5

Страшные девяностые закончились, но поделены еще не все деньги и сферы влияния. В городе идет жестокая борьба за власть, в которую оказывается вовлечен молодой писатель. Победит ли тот, кто сумеет заставить его сказать правильные слова? Что важнее для него самого — принять сторону сильного и потерять себя либо пойти против всех, выбрав собственный путь? Писателю придется решать, что для него важнее — новая книга или новая жизнь.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097127-5

© Молчанов А.В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Памяти моего брата Сергея

ГЛАВА 1

1997 год

Черемуха в Волоковце зацвела в конце мая, и, как всегда в этих широтах, резко похолодало. На улицах опять появились люди в пальто и даже зимних пуховиках. Несчастные, которые оделись слишком легко, поверив календарю, а не градуснику, ежились в своих пиджачках и курточках и перемещались по городу короткими перебежками от магазина к магазину. Разумеется, в магазинах такие посетители ничего не покупали и тянулись не к витринам, а к батареям.

В магазине «Фрукты» на улице Пирогова в эти дни было особенно многолюдно. Собирались здесь в основном молодые люди. Продавщица к ним давно привыкла и не выгоняла на улицу, тем более что «эти» как раз время от времени все-таки что-нибудь покупали. В основном сигареты, пиво и легкую закуску. Кажется, никто из них никогда не брал фрукты.

«Эти» быстро сходились, легко находили общие темы для разговора и никогда не держались дольше трех-четырёх дней. Появлялись, мгновенно вливались в коллектив, а потом исчезали навсегда.

Они все были разные — молодые бородачи, крепкие ребята в спортивных костюмах, металлисты в ко-сухах, студенты, хиппи, работяги, золотая молодежь. Разговоры у них всегда были одинаковые — про детское питание, кроватки, памперсы и пеленки.

Каждый день ровно в девятнадцать ноль-ноль они выходили из магазина, выстраивались вдоль желтого двухэтажного дома напротив и начинали кричать:

— Галя!

— Лена!

— Вера!

— Алена!

После чего окна на втором этаже открывались, из них выглядывали измученные и счастливые Гали, Лены, Веры и Алены и начинали говорить цифрами:

— Семь и восемь с половиной по Апгару.

— Пятьдесят два сантиметра.

— Три девятьсот.

Ровно в восемь все окна закрывались, и молодые люди с чувством выполненного долга шли по домам — доживать свои последние тихие, спокойные и свободные дни.

А в желтом двухэтажном здании Волоковецкого род-дома № 2 дежурные нянечки на каталке развозили малышей по палатам на кормление. Потом было свободное время, когда молодые мамы могли посмотреть телевизор, почитать, поболтать или поспать. Следующее кормление было в полночь, после чего можно было поспать до четырех утра.

Мамочки должны были привыкать к рваному ритму жизни с бесконечными ночными побудками.

Кажется, этот жесткий режим был установлен не для их детей, а для них самих — для того, чтобы лишить их собственной воли.

— Вы теперь не люди, а шкафчики с едой для ваших детей, — любила говорить нянечка Аида, которая проработала в роддоме № 2 больше тридцати лет.

Шкафчики, черт возьми. Кажется, это доставляло ей огромное удовольствие — называть их так.

За эти тридцать лет она повидала всякого и всегда с первого взгляда на роженицу понимала, с кем будут проблемы, а с кем нет.

Нина Шарова ей сразу не понравилась.

«Больно прыткая», — подумала она, хотя Нину провезли мимо нее на каталке. Ее огромный живот был накрыт простыней, и правая рука бессильно свисала вниз и болталась при каждом движении каталки.

Что-то в ней такое было. Может быть, невидящий взгляд из-под полуприкрытых век. Или упрямо поджатые губы.

Ее должны были поместить в палату рядом с холлом, но Аида, не особо отдавая себе отчет в том, что делает, как бы случайно передвинула карточки на стойке, и Нину отправили в угловую палату, самую дальнюю.

Подальше спрячешь — поближе возьмешь.

Нина родила здоровую девочку на следующий день после поступления в роддом. Родила быстро, за два часа. Стремительные роды.

«Как по учебнику», — сказал врач.

Сразу после родов Нина впала в полную протрацию. Отказалась взять ребенка на руки и даже посмотреть на него. А когда анестезия отошла и девочку принесли ей на кормление, отвернулась к стене и сказала:

— Уберите. Не хочу ее видеть.

Все понятно. Недаром никто к ней не приходил ни до, ни после родов. Никто не ждал в магазине «Фрукты», чтобы ровно в девятнадцать ноль-ноль закрыть: «Нина!»

Аида такое видела сто раз. Мужик сделал девочке ребенка и сбежал.

Или жертва изнасилования. Всякое бывало.

Ребенок-то не виноват.

— Отказываться будешь? — спросила Аида.

Нина не ответила.

— Подумай еще. Всю жизнь жалеть потом будешь.

Аида сделала пометку в журнале, доложила о происшедшем врачу, а новорожденную девочку покормила разведенной смесью.

Вечером пришел мужчина. Пожилой, солидный, в дорогом костюме, в пальто. Глазастый, посмотрел на нянечку один раз — как сфотографировал. Даже не так — просветил рентгеном насквозь.

Долго говорил с врачом, закрывшись в кабинете. Потом врач несколько раз носил какие-то бумаги в регистратуру и обратно. А мужчина так и сидел у него в кабинете. Аида не заметила, как он ушел. Но в палату к Нине он не заходил, это точно, она бы увидела. Уже уходя, врач ей сказал, что завтра девочку, которую родила Нина Шарова, заберут. А Нину переведут в стационар. Освободят койку для другой мамочки.

Аида не удержалась и рассказала об этом Нине. Ей было любопытно, что это был за мужчина. Неужто тот самый, который поматросил и бросил?

Нина совершенно не удивилась.

— Это мой отец, — сказала она и отвернулась к стене.

День прошел своим чередом и закончился вовремя. В половине второго ночи, закончив с кормежкой и перебив бутылочки, Аида прилегла на кушетку — подремать часок до следующего кормления.

Она не слышала, как Нина вышла из своей палаты.

В руке у Нины была подушка. Нина на цыпочках прошла мимо спящей нянечки, взяла ключ со стойки. Щелкнул замок, дверь отворилась.

Нина вошла в залитую синим светом палату, где лежали малыши.

Она медленно прошла мимо ряда металлических кроваток, читая бирки с фамилиями. Остановилась напротив кровати, на которой спала ее дочь. Подняла подушку. Зажмурила глаза. Накрыла подушкой лицо девочки.

И надавила изо всех сил.

ГЛАВА 2

Раньше Андрею казалось, что написать книгу — это сложное и долгое предприятие, право на которое еще нужно заслужить. Но поездка в Шиченгу и встреча с сельским учителем Кораблевым, который, сидя в деревне, ухитрился написать отличный роман, подстегнула его.

О чем писать — тоже, в принципе, было понятно. Любое воспоминание о Лупоглазом отзывалось головной болью. Сейчас Андрей чувствовал эту боль не как препятствие, а как магнит, ему хотелось продлить эту боль, она была обещанием чего-то настоящего. Андрей почти не удивился, когда однажды утром обнаружил, что сидит за столом на кухне и пишет шариковой ручкой в большой тетради в клеточку.

Он писал по утрам, перед работой. Очень скоро нащупал свою норму — пять страниц в день. Писал без выходных, потому что боялся остановиться, боялся, что после перерыва не сможет начать работать снова.

Даже когда простудился и несколько дней лежал дома с температурой, он находил в себе силы на то, что-

бы сесть за стол и написать свои пять страниц. Ровно на полтора часа туман в его голове прояснялся. Но после того как пять страниц были написаны, силы покидали Андрея, и он едва успевал доползти до дивана и проваливался в забытьё.

Сначала Андрею казалось, что он пишет что-то «настоящее», роман, который можно будет поставить на полку рядом с книгами Германа Гессе и Томаса Манна.

Но нет, привычки газетчика, набившего руку на криминальных репортажах, взяли свое.

Андрей написал детектив.

Он отдал тетрадки машинисткам в редакции. Девушки набрали весь текст за неделю, разделив на троих и работу, и деньги, которые Андрей им заплатил.

Затем Андрей три вечера подряд оставался после работы в кабинете и распечатывал роман на матричном принтере. Два экземпляра по триста страниц. Ж-ж-ж-ж, ж-ж-ж-ж — этот звук надолго останется в его ушах.

Главреду Новикову, конечно, донесли, что Андрей написал роман, но он ничего не сказал.

Андрей исходил из того, что книга, выпущенная журналистом, — это пиар для газеты.

Новиков думал иначе, но пока держал свои мысли при себе.

Андрей отнес роман на почту, купил два больших конверта и отправил в два издательства — «ЭКСМО» и «ВАГРИУС», который издавал книги Доценко про Бешеного. Теперь оставалось ждать ответа.

И тут вдруг Андрей увидел, что, пока он писал роман, время изменилось. Больше не было темноты и уныния, как в середине девяностых. В городе открывались новые магазины, в которых торговали тряпками и сумками. Строились новые здания, и в них тоже открывались

новые магазины с тряпками и сумками. На улицах стало появляться больше хорошо одетых людей. В городе открывались новые клубы. Построили большой концертный зал, в котором чуть ли не каждую неделю выступали звезды из Москвы. Закрывались только книжные магазины и газетные киоски. Никто не хотел читать книги и газеты, все хотели красивой жизни.

Андрей написал об этом небольшую колонку на пару тысяч знаков. Он не заявлял ее на планерке, просто оставил у наборщиц в лотке, где они обычно оставляли материалы на текущий номер. Вскоре на его столе зазвонил телефон. Это был Новиков, он звонил по внутренней линии.

— Зайди, — сказал он.

Окна приемной выходили на областной суд — именно оттуда Андрей пять лет назад написал свой первый репортаж. В приемной никого не было, Андрей толкнул обитую кожей дверь и вошел в кабинет главного редактора.

Новиков стоял у окна и курил, выпуская дым перед собой. Клубы дыма растекались по стеклу во все стороны. Когда вошел Андрей, Новиков обернулся, рассеянно кивнул на стул рядом со своим столом. Андрей сел. Новиков вернулся за стол, ткнул сигарету в пепельницу и взял два листочка бумаги, скрепленные скрепкой. Андрей узнал знакомый текст — это была его колонка. Новиков как будто не знал, что делать с этими листочками, крутил их в руках, задумчиво загибая уголки.

— Слышал, ты роман написал, — сказал он наконец.

— Да, есть такое дело, — ответил Андрей.

— Девчонки перепечатывали, говорят — хороший.

Андрей пожал плечами и глупо улыбнулся.

Новиков посмотрел на него сердито.

— А ты понимаешь, что ты его написал в рабочее время, на рабочем месте, его тебе набрали мои сотруд-

ницы, которым я плачу зарплату, и ты распечатал его на моем принтере.

Андрей вспыхнул. Такого он не ожидал.

— Я его дома писал. По утрам. И машинисткам я заплатил за работу.

— Ладно, не важно, — махнул рукой Новиков. — Когда напечатают?

— Не знаю. Отправил, жду ответа от издательства.

— Значит, так. Если твой роман не возьмут, об этом будет известно в городе. Это будет удар по репутации газеты.

— Да ну, кому это интересно.

Новиков хмыкнул и взял еще одну сигарету из лежащей на столе пачки. Щелкнул зажигалкой, закурил. Выпустил дым в потолок, посмотрел на Андрея и хитро усмехнулся.

— Ты все-таки молодой, не понимаешь, как мир устроен. Мы здесь все на виду. С нас глаз не сводят. Вот телефонную линию нам проводили, как думаешь, кто это был?

— Телефонщики какие-нибудь, — предположил Андрей.

— Ага, телефонщики. Вот проверь, берешь трубку, а там через секунду — щелчок.

— И что?

— А то! Запись включается. Там все про нас знают. И про твой роман тоже знают. И если окажется, что роман ты написал плохой, это используют против нас. Против газеты. Понимаешь?

— Роман у меня хороший, — с обидой сказал Андрей, — его напечатают.

— Вот и славно, — приободрился Новиков, — но вот смотри, какая тогда штука получается. Если у тебя выйдет роман, ты же, наверное, захочешь написать следующий. А потом еще и еще.

— Я об этом не думал.

— Подумай сейчас. Будешь ты еще писать романы или нет?

Андрей пожал плечами.

— Может быть.

— Вот! — радостно воскликнул Новиков. — А если ты будешь писать романы, какой из тебя, к черту, журналист?

— Я что-то не понял, ко мне какие претензии? Я что, плохо работаю? Материалы сдаю вовремя.

— Не в этом дело, Андрюша. Журналист — это художник, который работает с фактами. А писатель — это художник, который работает с эмоциями. Мне здесь писатели не нужны.

— Почему?

— Я не смогу тебе больше доверять так, как раньше. А вдруг ты что-то присочинил? Не увидел что-то? Или увидел что-то, чего нет на самом деле?

— Откуда вы можете знать, что так будет?

Новиков ткнул пальцем в листки, лежащие перед ним на столе.

— Вот отсюда. Вот эта твоя колонка...

— Что, плохая колонка?

— Отличная. Замечательная колонка. Ты смог сформулировать то, что многие даже осознать еще не успели.

— И тогда в чем проблема?

— Это колонка писателя, а не журналиста. Понимаешь, писателя!

— И что в этом плохого? — возмутился Андрей.

— Что плохого? А ты не понимаешь? Ты же сам написал. Мир изменился, Андрюша. Этому миру не нужны писатели. Хочешь быть писателем — черт с тобой. Иди, пиши. Но мы с вместе с тобой туда не пойдём.